

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
Художественно-Литературный
Журнал

Огонек

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА за перес. в Россію.
На год . . . 2 руб. 50 к. На 6 мѣсяца . . . 65 коп.
На полгода . . . 1 руб. 25 к. На 1 мѣсяць . . . 25 коп.
Объявленія: на страницахъ дополнительныхъ 75 к.;
на страницахъ обложки на 2-й, впереди текста —
1 р. 50 к., на 3-й и 4-й, позади текста — 1 р. и на стра-
ницахъ среди текста — 2 р. 50 к. за строку коннарейя
публикаціоннаго столба.
Главная Контора и Редакція: С.-Петербургъ, Галерная, 40.
Отдѣленіе конторы: При Невской Конторѣ „Биржевыхъ Вѣдомостей“
Невскій пр., 50 (уголь Саловой).

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО.

Пустыня спитъ. Горать свѣтла.
 На разѣ ночи голубой.
 Чья мысль ихъ властно прерватила
 Въ завѣтъ, начертанный судьбой?
 Кто постигаетъ въ мракѣ зыбкомъ
 За звѣзднымъ факеломъ вослѣтъ?
 Къ какому восторгамъ и умибкамъ?
 Къ какому видѣнью конухъ зѣтъ?
 То мудрецы, цари Востока,
 Провидцы въ жизни и во снахъ,
 Рожденіе новаго пророка
 Прочли въ небесныхъ письменахъ.
 Они чеканные сосуды
 Везуть съ дарами... Путь далекъ.
 Идутъ, коасблются верблюдамъ,
 Видимая облакомъ пескомъ...
 Спито всѣхъ родитъ со всѣмъ,—
 Какъ смерть, какъ совесть, какъ грѣхъ...
 Подъ утро въ горнонь Вѣдесей
 Проснулись въ страхѣ наступи.
 Какъ озарила ихъ обитель!
 Само вѣдѣтъ божество:
 «Рожденъ для смертныхъ Испуитель,
 Идите,—уврите Его!»
 Смирненнымъ духомъ сочело
 Преданье съ мудрыми земли:
 Одно ихъ чувство колдовало,
 Однѣ надежды ихъ вѣслали.
 Для нихъ набранникъ неизвѣстный
 Уже идетъ и въ этотъ часъ
 На колѣнъ свой—на подвигъ крестный
 Во искупленіе за насъ!

К. Новиковъ

ЗОЛОТОЙ КАФТАНЪ.

Народная сказка А. М. РЕМИЗОВА.

(Въ основу положена народная сказка изъ сборника «Сѣверныя сказки» Н. Е. Онуцкого, № 188).

Иллюстрировалъ для «Огонька» академикъ Н. К. РЕРИХЪ.

Побирался старикъ нищій, драный, одинъ кафтанъ на плечахъ, да и тотъ весь въ заплаткахъ. Пришелъ нищій къ одному хозяину, милостивно просить. Подалъ хозяинъ нищему—добрый былъ человекъ, помогалъ бѣднымъ. А нищій ночевать просится. И ночевать пустил: какъ не пустить—хворый старикъ, куда, на ночь глядя, итти такому, только что кафтанъ на плечахъ да и тотъ весь въ заплаткахъ. Ночью разнемогся нищій, къ утру не легче, — въ чемъ душа! — полежалъ и померъ.

Что хозяину дѣлать съ кафтаномъ, куда

такое добро дѣвать: заплатка на заплату, грязный. Тошила печь, хозяинъ взялъ да и бросилъ кафтанъ въ огонь. Печка загасла.

«Ладно,—думаетъ,—брошу я его въ рѣчку!»

Взялъ кафтанъ, пошелъ къ рѣчкѣ. А какъ сталъ топить, затопить-то и не можетъ: не идетъ кафтанъ ко дну и не уноситъ его никуда.

Вернулся хозяинъ домой.

«Дай,—думаетъ,—поразберусь, что за диковинное добро кафтанъ этотъ?»

А кафтанъ: заплатка на заплату, грязный, въ руки взять страшно.

Распоролъ онъ заплату, а ему на полъ деньги. И сколько онъ ни поролъ заплаты, изъ каждой заплатки ему деньги такъ и катятся. Напоролъ онъ денегъ вотъ столько! Сталъ считать, насчиталъ тысячу.

Цѣлая тысяча! Куда ему такія деньги? Не знаетъ хозяинъ, что ему дѣлать съ деньгами.

А случилось, проходить мимо дома калика

проходящій, старичекъ мудрый — и смотритъ и слушаетъ, мудрый. Онъ къ каликѣ, рассказалъ все, какъ было.

— Куда,—спрашиваетъ,— эти деньги?

— А ты,—говоритъ калика,— эти деньги возьми, сходи на рынокъ и купи свинью, и пока денегъ хватитъ, такъ все и корми ее.

Хозяинъ такъ и сдѣлалъ. Купилъ онъ свинью, сталъ кормить свинью. И годъ кормитъ, и другой кормитъ, и третій. И пока денегъ хватало, все кормилъ ее. Кончились деньги, больше кормить нечѣмъ, и опять онъ не знаетъ, что ему дѣлать.

Лежитъ свинья голодная, а онъ вокругъ ходить, не знаетъ, что ему со свиньей дѣлать. И видитъ, идетъ калика проходящій, старичекъ мудрый. Онъ къ каликѣ.

— Свинью кормить денегъ нѣтъ, больше кормитъ нечѣмъ!

— Такъ ты, — говоритъ калика, — выпусти свинью на улицу и ходи вслѣдъ за ней, карауль ее!

Хозяинъ такъ и сдѣлалъ. Выпустилъ свинью, пошла свинья, и онъ за свиньей.

*«Колесо огненное — не спалитъ праведника,
и Пречистый Градъ — врагамъ озлобленіе»
Посвящаю дорожку А. М. Ремизову ит. свиней!*

куда свинья, туда и онъ. И день ходить, и другой ходить, и третій.

И пришла свинья на лугъ: такой широкий лугъ зеленый, посередкѣ рѣчка бѣжитъ, а по рѣчкѣ колесо катитъ огненное съ огнемъ, и зъ колесѣ народъ, много народа сидитъ, и тотъ нищій сидитъ.

Свинья какъ скочитъ и прямо въ рѣчку, въ колесо.

И все стерялось: ни рѣчки, ни луга, ни колеса, ни свиньи,—пустое поле. Пустымъ полемъ пошелъ хозяинъ домой одинъ безъ свиньи.

— А ему навстрѣчу калика прохождающій, старичекъ мудрый.

— Ну, что свинья?—спрашиваетъ калика, а самъ словно радъ чему-то.

Тотъ ему и рассказалъ все, какъ было.

— Вотъ, дитятко,—сказалъ калика,—нищій-то ходилъ и просилъ, не работая, чужую копѣйку прятать, скопилъ денегъ, тысячу скопилъ, у другихъ отымать, трудовая, горькія, и все сгоритъ, все выщется. То намъ за грѣхи Господь даетъ!

Алексѣй Релизовъ.

М И М О.

РАЗСКАЗЪ
И. И. ЯСИНСКАГО.

Иллюстрировалъ для «Огонька» художникъ В. СВАРОГЪ.

В усадьбѣ, покрытой свѣгомъ, возвышались передъ самымъ домомъ высокія сосны съ темными вершинами. Каменный домъ былъ древній-предревній, подъ соломенной крышей. По обѣимъ сторонамъ стояли маленькіе

флигеля. Изъ одного курился дымъ. Тамъ была людская. Другой флигель, понаряднѣе, былъ запертъ, и окна его были забиты досками.

— Васъ зовутъ Ваней?—обратилась къ молодому человѣку въ передней черноволосая дама, скорбѣ похожая на дѣвушку или даже на дѣвочку; и только улыбка и выраженіе глазъ выдавали, что она замужняя. —Я—ваша мачеха!

Иванъ Павловичъ на секунду остановился и пристально посмотрѣлъ на мачеху. Самое большое ей было двадцать лѣтъ. Она была высокаго роста, тоненькая, съ неровнымъ румянцемъ на худенькомъ лицѣ, руки блѣдныя и глаза черезчуръ пытливыя. Хотя она была скорбѣ хороша собой, чѣмъ дурна; насынокъ испыталъ какое-то сложное не-приятное чувство при видѣ этой жеящины.

Ему стало безотчетно стыдно, и онъ нахмурился. Почти не отвѣтилъ онъ на рукопожатіе молодой мачехи.

— А васъ зовутъ Марьей Григорьевной?—сказалъ онъ.—А гдѣ же отецъ?

Глаза ея слегка засмѣялись.

— Онъ немного нездоровъ.

— Давно?

— Ужъ второй день. Что же вы не входите?

— Серьезно боленъ?

— Обыкновенная болѣзнь. Ваша комната—палатка отъ входа. Вотъ. Я убрала ее елиникомъ и сосновыми вѣтками. Мѣсячные розы къ вашимъ услугамъ. Любите розы?

— Благодарю васъ. Но отца все-таки можно повидать?

— Со мной не надо такъ холодно обращаться, а не то я расплачусь!—вскричала Марья Григорьевна и тихо засмѣялась.—Пройдите къ отцу—вотъ сюда, онъ сидитъ въ кабинетѣ и раскладываетъ пасьянсъ, а я позабочусь о вашихъ вещахъ. Вы, кажется, недовольны, что вамъ не отвѣтилъ флигель, какъ писали. Но съ тѣхъ поръ измѣнились обстоятельства. Вы прямо удивитесь, если все узнаете.

Старикъ Павелъ Митрофановичъ сильно попопалѣлъ и обрюзгъ, дневной свѣтъ падая на его дряблыя щеки, опущенныя рѣдкими бѣлыми бакенбардами, и на плѣшивую голову съ сѣдымъ пухомъ. Онъ былъ весь какой-то пушистый и дряблый. Онъ весело посмотрѣлъ на вошедшаго сына и продолжалъ держать карты и раскладывать ихъ съ нѣкоторой утробленностью, словно бытъ отчасти недоволенъ, что помѣшали пасьянсу. На столѣ, за которымъ сидѣлъ Павелъ

„Дѣдушкина елка“.

Рисоваль для журнала „Огонекъ“ проф. В. Г. МАКОВСКІЙ.